

От автора

Научный институт «Роксколл» основали, когда стало ясно, что мир вступил в новый ледниковый период.

Точное происхождение и значение этого слова установить сложно: придумывали его ученые со всего света, которых по воле случая занесло в самый холодный уголок мира. На сегодня распространены две трактовки.

Рок в значении «судьба» и *сколл* — отметина, оставшаяся после удара.

Или от английских слов *rocks* — «камни» и *call* — «зов».

ПРОЛОГ

Три цепочки следов

 Шестнадцать лет
назад

 Окрестности «Роксколла»,
высота 1268

Надя сидела в палатке и с ужасом глядела на бегунок молнии, боясь, что он вот-вот поползет вниз и в палатку кто-то войдет.

Она вздрогнула от едва уловимого шороха — снег соскользнул с ветки кедра, росшего чуть ниже, у замерзшей речки. Видеть это да и все, что происходило в лагере и вокруг, Надя не могла, но воображение рисовало четкую картину. Кедр у реки, за ним — кромка леса. К лесу тянутся три цепочки следов: Славы, ушедшего пару часов назад; Родиона, который отправился его искать; и самые первые, уже изрядно заметенные снегом, — следы Тамары.

Лагерь окутала глухая тишина. Невесомые снежинки касались брезента палатки, и Надя внимательно прислушивалась, стараясь отделить реальность от игры воображения.

В темноте светился зеленый огонек спутникового передатчика. Вот уже несколько часов индикаторы показывали устойчивый сигнал, но динамик не из-

давал ни звука. Именно по этому передатчику Слава утром и получил тревожное сообщение: «Срочно покиньте метеостанцию и отправляйтесь в Излучинск. К научному институту ближе, чем на пять километров, не подходить! Повторяю: к “Роксколлу” не подходить!»

Надя с Родей тогда закатили глаза: что опять взбрело в голову этим чиновникам? Но делать нечего, собрали вещи. Повинуясь профессиональной привычке, выгрузили данные из компьютеров в облако и только потом собрали рюкзаки, взяли палатку и закрыли станцию. Погода стояла тихая. Всего одна ночь в горах — ничего, люди подготовленные. Утром на высоте 1013 их должен подобрать вертолет. Но это утром.

А сейчас — дотянуть бы до полуночи.

Из лагеря нужно бежать, вот только Надя никак не могла собраться с духом. Горелку она давно выключила и походные ботинки зашнуровала. У входа лежал оранжевый рюкзак со светоотражающим логотипом Излучинска — загогулиной и деревом. В нем небольшой запас провианта, сухого розжига и химических грелок. До города не хватит.

Надя сразу решила идти в научный институт. Внутри, конечно, не пустят, но можно вызвать спасателей и отсидеться в будке охранников. Сама она точно не справится, а вот спасатели отыщут пропавших членов группы.

Нужно поспешить, пока их следы окончательно не замело снегом. Подняться, взять рюкзак и выйти из палатки.

С каждым мгновением становилось холоднее. Надя будто закаменела: сидела и сидела, не в силах

двинуться. Ей мерещились тени снаружи, в крошечной-то темноте! Слышалось, будто кто-то шлепает босыми ногами по оледенелым камням.

Вдруг ее внимание привлекли резко замигавшие индикаторы на передатчике, послышались привычные треск и шипение.

«Слишком громко! Выключить! Скорее выключить!» — пронеслось в ее голове, и она бросилась к передатчику. Среди помех из динамика прозвучал голос:

— Почему ты прячешься от меня?

Голос Тамары, едва знакомый, чуть искаженный, но Надя узнала его.

Она заглушила передатчик и затаила дыхание.

Тишина.

Поначалу она хотела пойти по следам, оставленным Славой и Родей, но дошла только до раскидистого кедра. И правда — снег с нижних ветвей осыпался, должно быть, от сильного удара. Присмотревшись, Надя увидела кровавый отпечаток на коре.

«Слава мог пораниться, когда хворост собирал», — попыталась убедить себя Надя.

По-прежнему было подозрительно тихо. Глаза начали понемногу привыкать к темноте, и Надя нигде не различала и малейшего движения.

«Хорошо, — подумала она. — Это и мне на руку».

Дальше следы уходили в лес. Как Надя и представляла, три цепочки. Никакой крови, насколько она могла разглядеть под слоем рыхлого снега. Поднялся холодный ветер.

«Слишком открытое место», — спохватилась Надя. Мысли ее путались, а инстинкты подсказывали: в лес, укрыться!

Она дошла до кромки леса, ступая точно в следы Родиона. Но оказавшись под защитой деревьев и кустарника, взяла левее — в сторону института.

Да, правильной было бы пойти по следам и отыскать Славу и Родю. Возможно, они оба ранены и нуждаются в помощи. Надя это понимала, но логика и мужество отступали перед страхом — пойдя по следу, она может лицом к лицу столкнуться с Тamarой.

«Это точно не рядовой случай, — пульсировало в голове у Нади. — Но ближе помощи не найти!»

Непрестанно оглядываясь, она свернула от трех цепочек следов.

Повинуясь приказу покинуть метеостанцию, они шли без остановок почти до темноты. Слава дал сигнал к привалу, только когда начался снегопад. Парни установили палатку, а Надя распаковала спальные мешки и аккуратно разложила снаряжение внутри. Они решили разжечь небольшой костерок и заварить чай, совсем как в турпоходе. Слава поплелся вниз за кедровыми лапами для розжига.

Надя достала термос с заваркой и набила снегом походный чайник. Скоро тот вскипел, и ребята, сев вокруг огня, грели руки о кружки. Родион в сотый раз взялся рассказывать страшилку про черного альпиниста.

— Меня волнует это сообщение из Излучинска, — прервал Слава Родю на самом интригующем моменте. — Такое ощущение, что это не рядовой случай...

— Поэтому-то мы и пошли морозиться невесть куда, вместо того чтобы работать, — хмыкнул Родя в ответ.

— А ты случайно вчера не уработался? Весь день пролежал на диване с книжкой в обнимку! — подколола его Надя. Родя оставался невозмутим.

— Вчера было воскресенье! Это выходной.

— И все же странно, что нам велели обойти «Роксколл» стороной, — проигнорировал его Слава. — Как думаете, там что-то случилось?

— Да что там могло случиться? — воскликнул Родя. Слава — вечный паникер, тревожится по любому пустяку. Но он на два года старше, назначен руководителем группы, и им велено во всем его слушаться. — Что такого могут делать в институте, что потребовалось срочно нас эвакуировать? Там же не атомная станция и не вирусная лаборатория, в конце концов!

— Я слышал, там проводят какие-то эксперименты над женщинами, — немного помолчав, выдал Слава.

Надя тоже слышала. Разное.

— Вот увидишь, это обычная проверка. — Голос Родиона прозвучал успокаивающе.

— Даже если это обычная проверка, мы обязаны подчиняться приказам, поступающим из Излучинска, — не сдавался Слава. — Вы сами слышали сообщение. Не понимаю, к чему эти пререкания.

— Приказ приказом, а до «Роксколла» рукой подать, никаких не пять километров, — вздернул подбородок Родя.

— Ты сам видел, сколько снега у водораздела. Мы бы ни за что не вышли на точку к назначенному времени.

— Получается, некоторые части приказа вовсе не такие обязательные?

Слава надулся, покраснел и приготовился выдать гневную тираду, как вдруг резко обернулся и застыл в неестественной позе.

— Слава? — Надя тронула его за рукав.

— Тихо! — шикнул он в ответ.

С минуты они сидели не шевелясь. Костерок успокаивающе потрескивал, легкий ветер играл ветвями кедра, и больше — ни звука.

— Ты что-то слышал?

— Да. Женщина плакала.

— Женщина? Не может быть! Здесь никого...

— Заткнитесь!

Надя с Родей снова смолкли — на этот раз пораженные грубостью Славы. И тут они услышали! Не плач, нет, скорее судорожное дыхание и всхлипы.

Кто-то приближался.

— Зверь? — шепнул Родя одними губами.

— Нет, — сказал Слава. — Надя, достань фонарик. Кто-то по склону поднимается сюда, к нам.

Надя оцепенела. Как такое вообще возможно? Кто это? Что ему нужно? Может, Слава ошибся?

Родя легонько подтолкнул ее в плечо, мол, иди уже. Надя, ничего не понимая, юркнула в палатку и, обшарив ее глазами, выхватила из рюкзака фонарик. Выйти наружу Родя ей не дал.

— Не высовывайся пока, — сказал он, забирая фонарик.

Надя сжалась и, обхватив колени руками, села около входа. Она видела лицо Родя, освещенное оранжевым светом костра, и с каждым мгновением его выражение становилось все напряженнее. Наконец послышался невнятный оклик Славы — тот уже чуть спустился с пригорка. Родя тоже поднялся на ноги.

— Сиди тут, — шепнул он, коснувшись стенки палатки.

Надя не стала противиться: неизвестно кто и с какими намерениями пришел в их лагерь. Не нужно выдавать чужакам маршруты, пароли и явки. Член группы, о котором чужаки не знают — преимущество. Но и оставаться в неведении глупо. Она развернулась и, стараясь не издавать лишнего шума, выглянула в вентиляционное отверстие.

Еще тогда, в лагере, у Нади мурашки по спине пошли при одном лишь взгляде на Тамару. И виной был не холод.

— Здравствуйте, — приветствие Славы прозвучало скорее как вопрос. Мгновенье спустя луч фонарика высветил в темноте женскую фигуру.

Она шла, обхватив себя руками и втянув голову в плечи. Темные спутанные волосы почти закрывали лицо.

Родя выругался и тут же сделал несколько шагов к женщине.

Наде поначалу показалось, что та одета в форму, но затем она разглядела — руки были голые! Женщина приподняла подбородок, и стало видно ее бледное лицо. Под глазами — глубокие тени, губы синюшные. Налетел порыв ветра и всколыхнул ее волосы. Один висок оказался выбрит и на нем чернел хирургический порез. Стуча зубами и трясясь от холода, женщина переводила безумный взгляд то на Родиона, то на Славу.

— Родя, давай ее к костру! — Слава спустился к ней и подхватил на руки. — Тащи спальник или еще чего! Девушка? Вы кто? Понимаете, где находитесь? Как зовут?

— Т-т-тамара, — простучала та зубами в ответ.

В палатке показалась голова Роди. Едва встретившись глазами с Надей, он приложил палец к губам и жестом велел оставаться на месте. Затем взял тубик с согревающей растиркой и спальный мешок — ни курток, ни свитеров лишних у них не было. Выходя из палатки, Родя постарался загородить собой вход. Молнию застегнул не полностью — оставил маленькую прореху, чтобы Надя могла наблюдать за происходящим у костра.

Тамаре растерли руки и ступни — она оказалась еще и без обуви. Слава, которому всегда было жарко, отдал свой свитер, а потом ее укутали спальным мешком и напоили чаем.

— Вы метеорологи? — выговорила она наконец дрожащим голосом. Ребята закивали головами. — Вас тоже эвакуируют по приказу Излучинска?

— Да. Но ты откуда знаешь? — удивился Слава. — Откуда ты вообще? Что случилось?

— Я из группы геологов, мы уже неделю здесь съемку ведем.

— Мы?

— Да, нас тоже трое. Б-б-было... — Голос девушки дрогнул.

— Что случилось?

— Я не знаю. Мы спать уже легли, а тут рев — и кто-то палатку давай тряссти! Может, медведь...

— Медведь?

— Я не знаю! Выбежала как дуреха, в чем мать родила, а опомнилась только посреди леса.

— Тебе повезло, что погода теплая. Вы лагерь в лесу разбили? — спросил Слава, поднимаясь. — Я могу пойти по твоим следам, пока их снегом не завалило.

— Я на вас вышла, потому что увидела костер. Наш лагерь должен быть недалеко.

— Пстой, — Родя потянул Славу за штанину. — Ружье возьми. По лесу *медведь* может ходить.

Слава будто не заметил предупреждения, сунулся в палатку за рюкзаком — Надя отпрянула от входа — взял ружье и пошел вниз по склону.

— Давай еще чайку налью, — сказал Родя, украдкой бросив взгляд на Надю. Тамара сидела к ней спиной, но легко могла заметить ее, если бы обернулась. Надя сдвинулась ближе к стенке палатки, не рискуя застегнуть молнию входа.

От нее не укрылась оговорка Тамары, она сказала: «Нас тоже трое». Во взгляде Роди читалась тревога, хоть он пытался ее скрыть.

«Может, зря волнуемся? О человеке дурно думаем? Она вон в какую беду попала!» — думала Надя.

Время шло. Родя подкидывал в костер поленья, прихваченные на метеостанции, и с каждой минутой то, что он не предлагает Тамаре погреться в палатке, казалось все более странным.

— А откуда ты узнала, что мы метеорологи? — спросил он.

— Так знаем! Как сюда собирались, нас сразу предупредили, мол, если что, на пике метеостанция есть. И утром по передатчику сказали, что наши группы на вертолетной площадке встретиться должны.

Родя с Надей снова обменялись тревожными взглядами.

Тамара лгала, да не слишком складно. До сих пор она выдавала только ту информацию, которую мог знать любой обыватель, читающий научные журналы,

в них целый раздел регулярно посвящали их исследованиям. Но любой геолог знал бы, что нет никакой вертолетной площадки в этих горах. А очнувшиеся от спячки посреди затяжной зимы медведи вышли к теплицам, где их и перестреляли еще лет двенадцать назад. В лесу давно из живности никого не видели, кроме птиц и тщедушных лис.

— А что это за рана у тебя на виске? Не болит?

— Рана? — удивилась Тамара, будто совсем забыла о ней. — Это модификация. Не очень удачная.

— Понятно. Еще чайку?

Вдруг Тамара резко повернула голову. Надя поспешила пригнуться, но Тамара наверняка заметила движение.

— Ты ни слову моему не поверил, так? — спросила она. Жалобность и судорожность начисто пропали из ее голоса.

Родя выдержал паузу и затем ответил:

— А ты не совсем человек, верно?

У Нади перехватило дыхание. На пару мгновений воцарилась мертвая тишина — Надя даже подумала, что все обойдется, и уже собиралась выглянуть из палатки, как вдруг Тамара с рыком бросилась на Родю. Зашипел костер, послышался шорох спального мешка. Звуки борьбы перемежались стуком поленьев, выбитых из костровища.

— Стоять! — крикнул Родя. Надя хотела броситься ему на помощь, но страх сковал ее, и она осталась лежать на месте, закрыв голову руками.

— Стой! Куда?..

Снова суета, а потом звонкий удар и отборный Родин мат.

Надя заставила себя поднять голову, ее сердце, казалось, вот-вот разорвется от страха. Но тут в палатке показался Родя. Он сел у входа и зашикал на нее.

— Тихо, сиди, — сказал он шепотом, сгреб в кулак горсть снега и прижал к щеке. — Чтоб ее!

По его лицу расплывалось багровое пятно, от него валил пар.

— Чайником меня...

Трясущимися руками Надя стала шарить в аптечке.

— Куда она делась?

— Свалила в сторону водораздела. Скатертью дорожка!

Они сидели какое-то время молча и с ужасом глядели друг на друга.

Выстрел.

Всего один. Он раскатился по лесу и многократно отразился от гор. Родя вышел наружу.

— В лесу стреляли. Славка!

— Не ходи.

— Ты сиди тут. Не бойся, она не вернется.

— Родя, не ходи! — Надя чуть не плакала.

— Не бросать же его там, Надь. Не бойся, она тебя не видела.

— Она видела! Видела! Знала, что нас трое!

Родя взял свой рюкзак, натянул варежки и, уходя, снова приложил палец к губам и застегнул молнию входа.

— Тепло не выпускай, — шепнул он. — Я скоро.

Скоро так и не наступило. И Надя пыталась убедить себя, что поступает верно.

По лесу она шла в темноте. Фонарик не включала — свет мог выдать ее, поэтому полагаться приходилось на обострившееся зрение и на авось. Маршрут к институту она помнила смутно. Надя долго петляла между деревьев и уже почти уверилась, что заблудилась! Но когда она совсем выбилась из сил и застряла в снегу чуть ли не по пояс, из темноты выступил «Роксколл».

Белокаменный многогранник, как призрак, отражал слабый свет звезд. А когда Надя продралась через сугроб и подошла ближе, включилось слабое освещение по периметру — датчики среагировали на движение.

Научный институт казался настоящей крепостью — неприступной и таинственной. Стены и купол словно вытесаны из массивной глыбы льда. Здание обнесено бетонным забором с колючей проволокой. Надя поспешила к нему. Пробиралась медленно, с трудом переставляя ноги, пока не подошла к стене вплотную и не двинулась вдоль нее в поисках ворот по расчищенной снегоуборщиком дорожке.

Вскоре Надя наткнулась на глубокую колею. Казалось, что совсем недавно здесь прошли несколько машин. Следы от колес виляли из стороны в сторону, одна из машин, похоже, даже въехала в сугроб. Надя бросилась к охранному пункту. Ворота открыты, в будке охранника горит свет, но поблизости ни души.

— Э-эй! Есть тут кто? — закричала Надя. — Помогите мне!

Как только она прошла через ворота, резко погас свет. Надя обернулась и застыла, стала вслушиваться. Снег перестал, небо прояснилось, и из-за серой пелены облаков выглянул тонкий месяц. Она слышала

только тихие завывания ветра, порывами носящегося между ущельем и постройками института.

«Это просто датчики движения. Я ушла из зоны их действия, вот свет и вырубился!» — Надя выдохнула и развернулась к крылечку главного здания. Конечно, ей сделают выговор за несанкционированное проникновение. Она неуверенно потянула дверь, ведущую в застекленный тамбур, та заскрипела и загрохотала.

Вдруг раздались треск и помехи. Надя не сразу поняла, откуда исходит звук, но потом услышала голос по рации:

— Что ты делаешь? Не входи.

Она обернулась и оцепенело уперлась взглядом в закрывающиеся ворота. Там стояла Тамара.

Надя без раздумий дернула дверь и с криками ворвалась в институт. Ее встретил необжитой холл, отделанный серым мрамором.

— Помогите! — прокричала Надя, но никто не отозвался.

«Этого не может быть! Это “Роксколл”, крупнейший научный комплекс на севере, известный на весь мир! Здесь полно людей! — Надя знала, видела порой, как сотрудники выходят кататься на лыжах по склону Академика Пятницкого, говорила со специалистами по рации, когда город требовал калибровать погодные установки. — Здесь не может быть пусто!»

Паника нарастала: Надя бежала по безлюдным коридорам. Научный институт напоминал больницу — то же холодное освещение, безжизненно-чистые лаборатории, в воздухе — запах лекарств. Надя хаотично распахивала двери — одну за другой, но нигде — ни души.

Она искала — может быть, здесь есть какой-то спальный этаж? Куда-то же все подевались? Это же «Роксколл»...

— Помогите, помогите! — лепетала Надя, уже мало соображая, что творит.

Свет замигал, Надя оглянулась. Она долго петляла по лабиринту коридоров и, кажется, оторвалась от Тамары. Но ведь наделала столько шума! Нет, Тамара ее найдет. Это она что-то делает со светом — Надя знала. Надо быть хитрее. И тише.

Она подошла к плану пожарной эвакуации. В левом крыле здания было большое помещение со множеством небольших отсеков — дормиторий.

Если все сотрудники там, надо их срочно будить! Что здесь вообще происходит?

Надя сняла ботинки и куртку, чтобы двигаться как можно тише. Она шла, вжимаясь в стены, и выглядывала из-за угла, прежде чем повернуть. Свет внезапно перестал мигать, когда Надя вышла в коридор, в конце которого увидела большие двери с табличкой «Дормиторий». Где-то внизу раздался стук.

Надя стремительным рывком добежала до дверей. Они были заперты, и через стеклянные вставки Надя увидела длинные ряды капсул, в которых спали люди.

— Эй, откройте! Вы слышите меня? Э-эй!

Она дергала за ручку, но стальные массивные двери не поддавались. Вряд ли кто-нибудь из спящих услышал хоть малейший звук Надиного голоса.

— Здесь особый замок, нет доступа — не прой- дешь.

Надя обернулась. Тамара стояла позади нее на расстоянии вытянутой руки и улыбалась.

— Ты... — выдохнула Надя и вжалась в дверь. Сердце, казалось, вот-вот разорвется, и горло перехватило — не закричать.

— Да. И прекрати эти истерики, пожалуйста. Бежать от меня глупо, тем более теперь. Я не причиню тебе вреда. Просто успокойся и послушай.

— Где Слава и Родя?

— Уже в капсулах восстановления. Если обещаешь не орать и не громить ничего, я впущу тебя, и ты сама убедишься, что с ними все в порядке.

В порезе на виске Тамары блестел металл. Похоже, Родя был прав. Она какой-нибудь робот? Любой нормальный человек на ее месте отморозил бы руки и ноги.

Здесь, в «Роксколле», она выглядела другой, хотя кожа была такой же бледной, а волосы такими же спутанными. Кисти и ступни ее приобрели странный сизый оттенок, но Тамара двигалась так, будто не чувствовала ни холода, ни боли. Она двигалась как хищник, который находится на своей территории. Ее лицо показалось Наде знакомым и даже красивым — она точно видела Тамару по одному из каналов ГосПортала.

— Пойдем? Посмотрим на твоих друзей?

— Зачем ты их туда положила?

— Я? Я никого не принуждала. Они сами согласились. — Тамара склонила голову набок. — Вас же четко проинструктировали: «"Роксколл" обойти стороной». Не думали, что есть на то причины? Вы попали в зону заражения. Эти капсулы — теперь единственное, что защитит вашу нервную систему от вируса.

— Зачем ты тогда устроила этот цирк в лагере? Зачем лгала нам?

— Я не хотела, чтобы вы паниковали. Но я вижу: ты мне до сих пор не веришь. Пойдем. Я разбужу Родиона, и он сам тебе все объяснит. Я уже устала растолковывать одно и то же.

Какой еще вирус, какая зона заражения? Надя понимала: все, что говорит Тамара, — необдуманная, на ходу сочиненная ложь. Бред! Но голос Тамары звучал так приятно и убедительно. И она, кажется, не хотела ничего дурного — Родя же ей поверил.

Тамара мягко коснулась ее плеча и отстранила от двери. Раздался мощный щелчок, будто сотня замков повернулась одновременно, и двери раскрылись. Тамара подвела Надю к двум крайним капсулам — Слава лежал целый и невредимый, Родя — с раной на щеке и бледно-розовым ожогом.

— Видишь, они уже восстанавливаются. Тебе тоже нужно поскорее в капсулу.

Она взяла Надю за руку и повела между рядами. В основном в капсулах лежали женщины.

— Отлично, вот свободное местечко. Ты уже разулась — умница!

Надя сама не поняла, как оказалась в капсуле.

— Будет больно? — спросила она, когда Тамара надевала ей на руки резиновые браслеты.

— Нет. Сюда уже едет подкрепление из Излучинска. Они устранят утечку и выпустят нас.

— А как же ты? Тебе не надо в капсулу?

Тамара пристально поглядела на Надю. Затем уложила ее и закрыла капсулу.

— Не волнуйся обо мне, — сказала она, улыбнувшись. — Я только начала.